

прежде всего касается предметов из металла, ибо они были дорогими. Популярной же, обыденной посуде из глины и дерева в источниках отводится гораздо меньше места, однако и о ней сведений достаточно. Пища, судя по всему, являлась настолько значимым элементом жизнеобеспечения самого существования человека в XVII в., что все связанное с ее приготовлением и подачей на стол приобретало особый смысл. Архивные документы не скупятся на фиксацию котлов, сковород, блюд, чаш, ковшей, кружек и т.п.

Остановимся сначала на кухонной утвари. Металлическую посуду продавали, как правило, пудами. Она изготавливалась из железа, меди, олова. Перечислим некоторую обыденную для сибирского горожанина поваренную металлическую посуду: котлы и котлики красной и зеленой меди, медные луженые енды, противни, горшки, сковороды и т.п. Ассортимент кухонной утвари был очень широким и разнообразным. Только сковород можно насчитать четыре вида: большие, средние, малые и специальные блинные. Для выпечки использовали “веко медное, луженое, для пирогов”. Кроме дорогой металлической посуды для приготовления и хранения продуктов питания существовало множество изделий из дерева. Причем в сибирских ремесленных центрах, каким был Тобольск, изготовление деревянной кухонной и столовой утвари частично взяли на себя местные ремесленники. Их изделия отличались дешевизной, но уступали привозным по качеству и эстетическому восприятию. Так, например, красивые и прочные вятские ложки продолжали в больших количествах поступать за Урал.

Столовая посуда была еще более разнообразна по своему назначению. Это оловянные и деревянные блюда и тарелки, различные чашки и чаши, кружки и стаканы, ковши и кувшины, ставцы, перечницы и солонки, укусуницы и др.

К концу XVII в. в домашний обиход начинают входить вещи из стекла. Сибиряки стали пользоваться “скляницами”, “братинками стекольчатыми”, штофами и рюмками. Среди домашних вещей зажиточных горожан были и серебряные, и украшенные финифтью или иной дорогой отделкой. Известно, что в обиходе красноярского сына боярского И. Злобина имелись “ножик да вилки, припой медные с финифтью” [Люцидарская, 1992, с. 158]. Дорогие и красивые вещи ценились, сберегались, передавались по наследству. При утрате домашнего имущества такая утварь подробно описывалась с упоминанием всех деталей.

Кроме вышеперечисленных бытовых предметов, которыми ежедневно пользовались первопоселенцы сибирских городов, в их домашнем обиходе было множество других необходимых вещей: утюги и ножницы, терки и решета, ступки и сита,

капустные секачи, корытца и многое другое, еще сохраненное в традиционном русском быту или безвозвратно ушедшее в прошлое.

Заключение

Колонисты Сибири в первые десятилетия освоили огромную зауральскую территорию. Они создавали города, остроги и прокладывали новые торговые пути. Параллельно с этим процессом шла организация личного жилого пространства первопоселенцев. Потребности горожан в предметах быта росли вместе с ростом городов и развитием рыночных отношений. Избы наполнялись необходимым содержанием, привычным для традиционного быта. Уже к середине XVII столетия домашняя утварь сибирского горожанина немногим отличалась от таковой у городских жителей Европейской России. Чем ближе сибирские города находились к торговым центрам, тем более домашний уклад горожан приближался к традиционному. Между тем в бытовой обиход входили и новации, чему способствовали ввоз среднеазиатских товаров и этнически неоднородный состав населения городов. Своеобразный синтез традиционной культуры и инноваций позволяет более полно характеризовать эпоху вхождения Сибири в состав Русского государства.

Список литературы

- Бахрушин С.В.** Науч. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3, ч. 1. – 375 с.
- Вилков О.Н.** Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – Новосибирск: Наука, 1967. – 323 с.
- Житие** протопопа Аввакума. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 366 с. – (Литературные памятники Сибири).
- История** Сибири: Первоисточники. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. – Вып. 4. – 291 с.
- Кнабе С.Г.** Диалектика повседневности // Вопр. философии. – 1989. – № 5. – С. 26–31.
- Люцидарская А.А.** Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 152–159.
- Покровский Н.Н.** Томск 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. – Новосибирск: Наука, 1989. – 385 с.
- Рабинович М.Г.** Очерки материальной культуры русского феодального города. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
- Таможенные книги** сибирских городов XVII века. – Новосибирск: РИПЭЛплюс, 1997. – Вып. 1. – 125 с.; 1999. – Вып. 2. – 123 с.; 2000. – Вып. 3. – 146 с.; 2001. – Вып. 4. – 146 с.; 2003. – Вып. 5. – 215 с.

ОЦЕНКА ДРЕВНОСТИ ЕВРАЗИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ СВЯЗЕЙ В ОБЛАСТИ МИФОЛОГИИ

Доиндустриальные общества ориентированы на неизменное воспроизведение элементов культуры. Но даже самые консервативные культуры меняются. Вариативность живых систем вызвана случайными ошибками копирования и как таковая не требует объяснений [Price, 1982, p. 716]. Интересен не факт изменений, а их скорость. Здравый смысл подсказывает, что те элементы культуры, которые ее носители оценивали как сакральные, должны были меняться медленнее других. Хотя культура не делится однозначно на профанную и сакральную сферы [Lukes, 1973, p. 20–27], некоторые ее разделы обладают в этом смысле особым статусом: носители фольклорных традиций практически всегда считают сакральными повествования, в которых отражены представления о мире и его возникновении. Именно эти повествования принято именовать мифами.

Фольклорно-мифологические мотивы, которые изучает исследователь, вырваны из контекста и освобождены от культурной специфики, поэтому говорить об их сакральности или профанности неправомерно. Можно, однако, предположить, что в силу своей ассоциации с определенными реалиями одни мотивы имеют большую, а другие меньшую вероятность быть использованными в мифах. Мотивы, связанные с космогонией, космологией и этиологией и описывающие события и явления, формирующие значимую для коллектива картину мира, отличны от мотивов, соответствующих приключенческим и трикстерским эпизодам*, протагонисты которых вовсе не обязательно должны являться объектами культа.

* Обзор трикстерских эпизодов в фольклоре Америки и Сибири см.: [Берёзкин, 2004].

На июль 2004 г. в нашей базе данных мирового фольклора содержалась информация о распределении 1 164 мотивов по 208 ареалам Старого и Нового Света (примерно 35 тыс. текстов)*.

Сначала весь этот массив данных рассматривался в совокупности. Для выявления закономерностей во встречаемости мотивов был использован факторный анализ, он же анализ главных компонент [Берёзкин, 2003а]. Первая компонента показывает самую важную тенденцию. Эта тенденция стала заметна сразу же после того, как американские материалы (с обработки которых начиналось исследование) были дополнены евразийскими и австрало-меланезийскими (североамериканские мифологии напоминают центрально- и североазиатские, а в южно-американских много мотивов, представленных в Новой Гвинее и Меланезии). Разделение базы данных на две отдельные выборки, в одну из которых вошли космологические и этиологические мотивы (группа А), а в другую – все остальные (группа Б), позволило получить новые результаты.

К группе А было отнесено 525 мотивов, описывающих устройство, облик и происхождение природы, общества и человека. Большинство мотивов, которые заведомо не могут иметь глобального распространения, в статистические подсчеты не включались. Так, мотив А1115** (морская вода стала соленой из-за по-

* Создание каталога и работы на его основе поддержаны Программой фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”, грантом 2004 г. Президиума СПбНЦ РАН, Российским фондом фундаментальных исследований (грант 04-06-80238).

** Номера мотивов даны по указателю [Thompson, 1955–1958]. Номер отсутствует, если близкую параллель у С. Томпсона обнаружить не удалось.

павшей в нее мочи) трудно ожидать в мифологиях обитателей территорий, расположенных вдали от моря, а мотив появления культурных растений из тела человека – охотников-собирателей. Однако экологически специфический мотив учитывался, если его ареал оказывался меньше того ареала, в пределах которого данный мотив теоретически мог быть известен. Например, ареал мотива водной рептилии как дарителя культурных растений, характерного для Южной Америки, меньше, чем область встречаемости кайманов и анаконд или же зона распространения в Новом Свете производящего хозяйства. Соответственно, отсутствие данного мотива у определенных групп индейцев обусловлено историческими, а не экологическими причинами.

Америка и Юго-Восточная Азия – Океания отличаются богатством земледельческой мифологии. Некоторые земледельческие мотивы, представленные по обе стороны Тихого океана, одинаковы [Hatt, 1951]. Поскольку восточно-азиатская и американская культуры земледелия возникли независимо, то независимо могли появиться и соответствующие мотивы, а их идентичность была вызвана сходством систем клубнеплодно-вегетативного земледелия в пределах циркумтихоокеанского региона. Западно-евразийское зернобобовое земледелие совершенно иное. Можно, правда, допустить, что близость земледельческой мифологии Океании и Америки обусловлена не только спецификой земледельческой технологии, но и тем, что, будучи изначально похожими, местные мифологические системы и далее продуцировали параллельное появление одинаковых мотивов. Все же, чтобы сделать выводы более надежными, из числа мотивов, представленных одновременно в Америке и в Азии – Океании, были исключены все те, которые связаны с земледелием. Таким образом, на полученные в ходе анализа результаты могли повлиять лишь мотивы, потенциально известные уже в древнейших обществах с присваивающей экономикой.

В группе Б оказалось 639 мотивов, характерных для рассказов о приключениях и трикстерских проделках. Посторонних для фольклора факторов, которые ограничивали бы их распространение на определенных территориях, нет.

Различия в характере распространения мотивов двух групп четко проявляются при сопоставлении мифологий Америки и Старого Света.

В группе А самые резкие различия прослеживаются между наборами мотивов, характерных для Монголии и Сибири, с одной стороны, и для востока Южной Америки, с другой (рис. 1). При статистической обработке индексы наборов мотивов, присутствующих в сибирско-североамериканских мифологиях, получили положительные значения. Наборы мотивов, встречающиеся в южноамериканских мифологиях (особенно в амазонских и гвианских), составили противополож-

ную группу (индексы отрицательны). Индекс оджибва в районе Великих Озер примерно равен индексам эвенов и кетов и немного ниже максимальных для Сибири индексов алтайцев и бурят. Как в Северной Америке, так и в Сибири речь идет о мифологиях народов, живших или живущих во внутриконтинентальных районах. Что касается мифологий народов, локализованных в северных прибрежных областях Тихого океана (айну, ительмены, коряки, алеуты, юпик, танайна, танана, атна) и в Американской Арктике (инуиак – инуит), то полученные для них индексы хотя и положительны, но смещены к “амазонскому” полюсу. Для мифологий алеутов и восточных инуит это смещение значительно (соответствующие индексы почти такие же, как у мифологий индейцев Горного Перу). Новогвинейская мифология статистически не отличается от типичных амазонских. За папуасскими по числу “амазонских” мотивов в убывающем порядке следуют мифологии меланезийцев, аборигенов Австралии и филиппинцев. Евразийско-североамериканский и меланезийско-южноамериканский комплексы включают легко и надежно опознаваемые мотивы, зафиксированные в десятках традиций. В качестве примеров в первом комплексе выделим *Ныряльщика за землей* (A811) и *Фигуру человека, различного в силуэте лунных пятен*, во втором – *Смену кож как условие бессмертия* (D1889.6) и *Нефигуративную* (след краски, удара, ожога) *интерпретацию лунных пятен*.

Как уже было сказано, сходство систем земледелия у народов Юго-Восточной Азии – Океании, с одной стороны, и тропической Америки – с другой, на полученных результатах отразиться не могло. На счет влияния разных систем хозяйства (присваивающего в одном случае и производящего в другом) невозможно отнести и отличия сибирско-североамериканского комплекса от меланезийско-южноамериканского. Если бы наборы мотивов существенно зависели от типа хозяйства, то мифологии австралийских аборигенов и эскимосов инуит должны были бы оказаться ближе к сибирско-североамериканским, но в действительности они близки меланезийско-южноамериканским.

Для мотивов группы Б первая главная компонента выявила совершенно иную картину, нежели для мотивов группы А. Наибольшее количество различий установлено между мифологиями североамериканских индейцев, живших к востоку от Скалистых Гор (особенно на Великих Равнинах), с одной стороны, и обитателей северо-западного побережья Северной Америки (элиши, вакаши, глинкаиты, а также сопредельные группы атапасков) – с другой. Мифологии обитателей всех остальных территорий заняли промежуточное место, причем в деталях картина оказалась достаточно хаотической. Центральное положение именно Северной Америки обусловлено обилием и разнообразием данных по этому континенту. Если бы большее число мо-

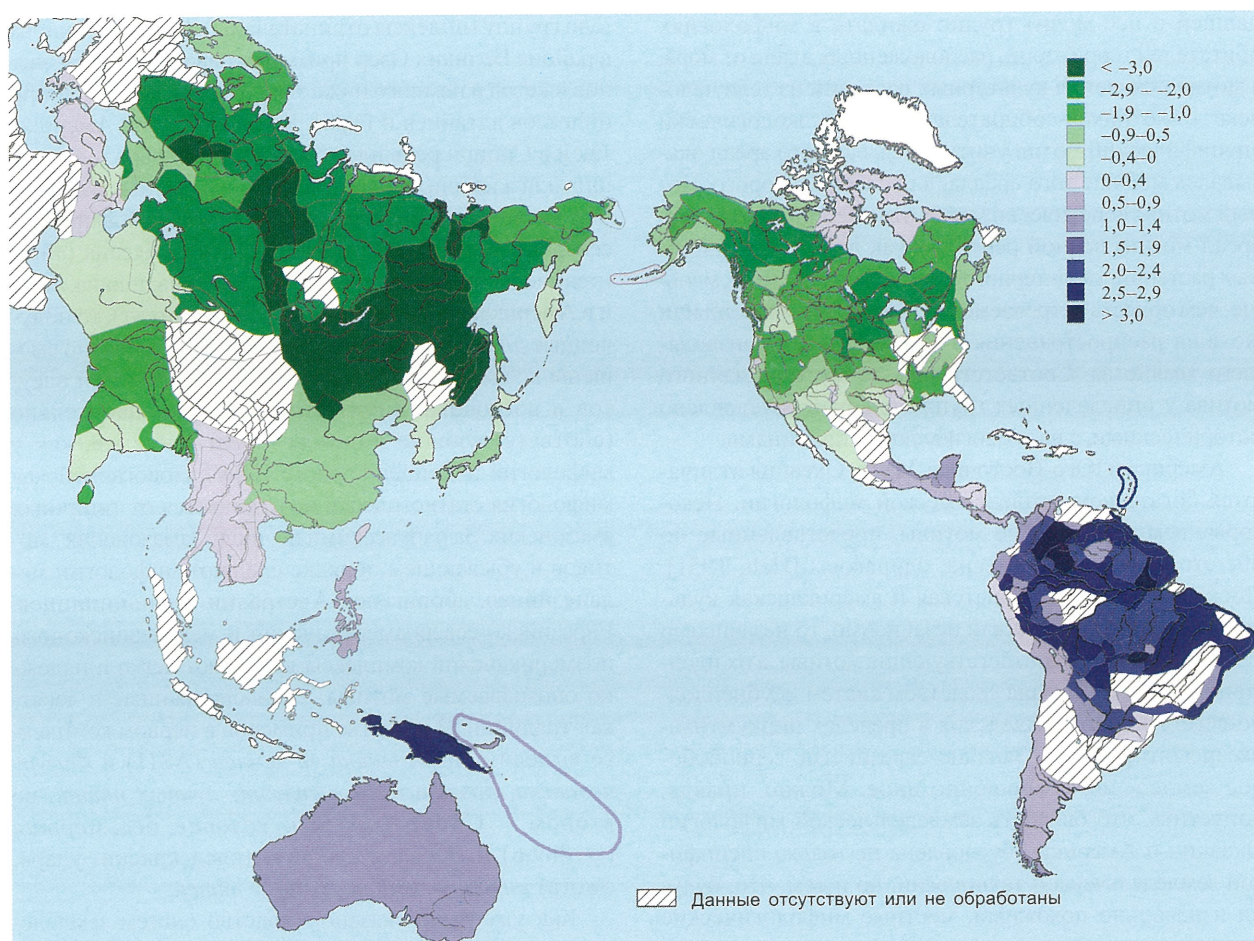

Рис. 1. Взаимовстречаемость 525 космологических и этиологических мотивов в пределах 208 ареалов. Первая главная компонента.

тивов и их ареалов было зафиксировано и выделено в Сибири, то центральное положение занял бы Сибирский регион. Самое важное здесь – не точная локализация центра наибольшего разнообразия, а отсутствие существенного числа одинаковых мотивов на разных континентах. Проведенный анализ показывает, что по сравнению с космологическими и этиологическими приключенческие и трикстерские мотивы демонстрируют в среднем более близкие внутриконтинентальные связи, которые должны быть, по-видимому, более поздними, нежели межконтинентальные.

* * *

Речь, однако, идет именно о средних величинах, о преобладающей тенденции. Вторая главная компонента, выявляющая следующую по важности тенденцию, показывает, что в группе Б есть мотивы, представленные как в Америке, так и в Азии. Ранее эти

мотивы были рассмотрены на конкретных примерах [Берёзкин, 2003б], а теперь они выявлены и путем статистической обработки всей совокупности данных (рис. 2). Картины распределения трикстерских и приключенческих эпизодов, а также космологических и этиологических мотивов во многом сходны (см. рис. 1). Но есть два важных различия. Во-первых, центр максимальной встречаемости евразийско-североамериканских мотивов группы Б находится не в Америке, а в Евразии. Во-вторых, связи между Южной Америкой и Австралией – Меланезией слабы, эти области обладают общими чертами постольку, поскольку во всех них мало представлены евразийские мотивы.

В Евразии мотивы группы Б, относящиеся к евразийско-североамериканскому комплексу, в основном отмечены в волшебной сказке, хотя на Кавказе и в Южной Сибири они сохранились и в героическом эпосе, впитавшем образы местной мифологии. Именно в этих районах, а также в Иране, Средней Азии и Казахстане данные мотивы встречаются

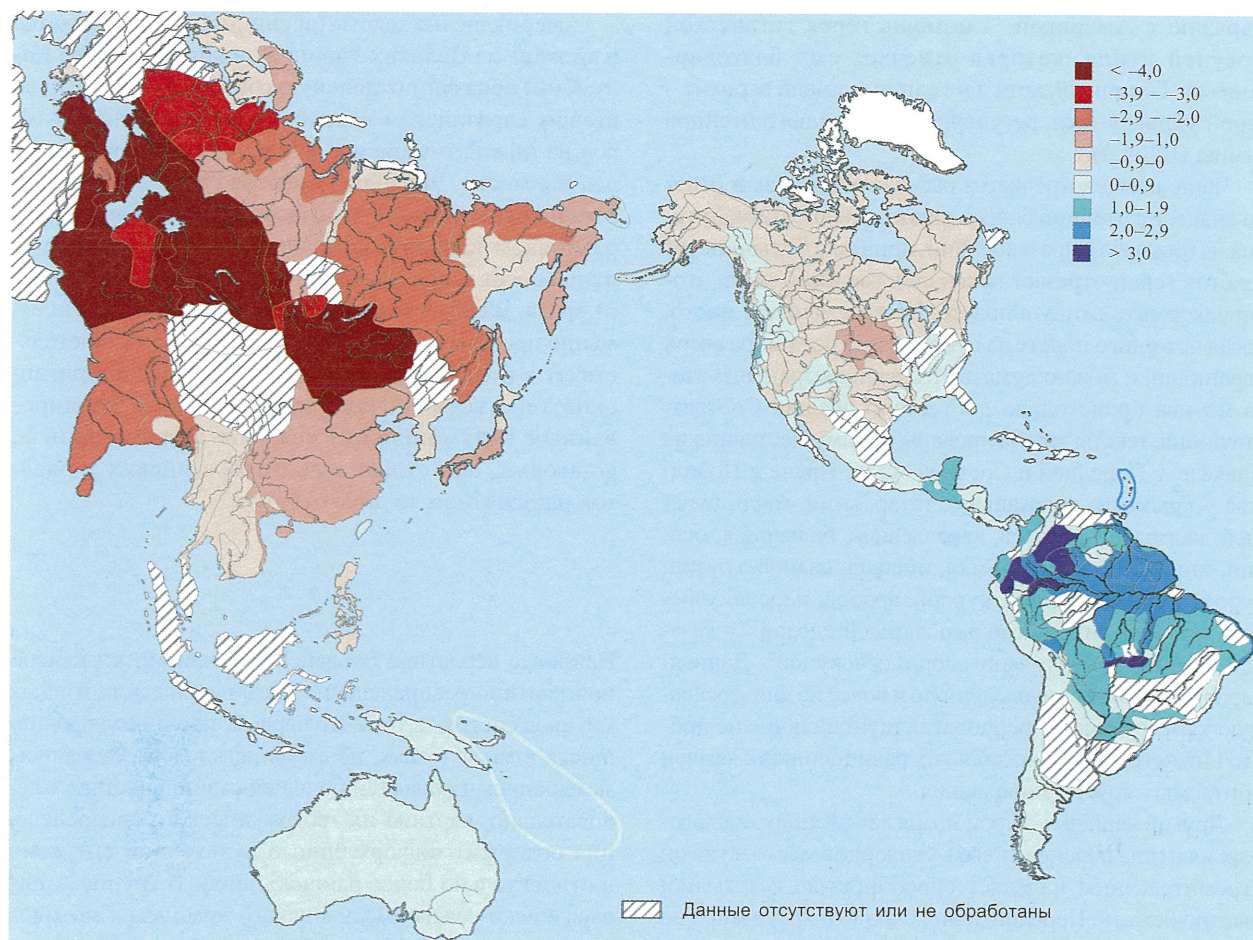

Рис. 2. Взаимовстречаемость 639 мотивов (приключенческие и трикстерские эпизоды) в пределах 208 ареалов. Вторая главная компонента.

чаще всего. Далее следуют Восточная Европа, Южная Азия, Восточная Сибирь, Западная Сибирь (особенно ненцы), Приамурье – Приморье, Южная Азия, за ними – Китай и Вьетнам, еще дальше – основная часть Юго-Восточной Азии. Соответствующие максимальные индексы для североамериканских индейцев (пауни, санти, тетон, айова) примерно равны индексам для китайцев, селькупов и хантов. Это ниже, чем индексы для алтайцев или казахов, но выше, чем для любых других групп вне Евразии. На рис. 2 видно, что евразийские параллели сконцентрированы к востоку от Скалистых Гор, а меньше всего их в притихоокеанской зоне. Подобное распределение объяснимо в том случае, если пути соответствующих миграций проходили через долины Юкона и Маккензи, а не вдоль южного побережья Аляски.

В базу данных были включены две традиции, представленные только ранними записями, – эддическая скандинавская и древнегреческая. Мотивов рассматриваемого комплекса в них нет. Это дает

основание предположить, что на запад Евразии такие мотивы проникли поздно: они были включены в волшебную сказку и распространились вместе с ней*. Область их первоначального распространения находилась где-то между Кавказом и Южной Сибирью. Лишь изредка такие мотивы фиксируются на востоке и северо-востоке Азии у корейцев, ительменов, коряков, азиатских эскимосов. По контексту, в котором они здесь встречаются, и деталям текстов такие мотивы отличаются от мотивов, которые отмечены в Центральной Евразии. Поэтому можно предположить, что мы имеем дело не с результатом позднего русского, монгольского или иного влияния, а с теми следами, которые остались в фольклоре с древнейших времен, когда носители соответствующих мотивов мигрировали на северо-восток Азии и затем в Новый Свет. Приведем пример. Один из характерных мотивов, связывающих

* Даже в исходной области своего формирования (от Средиземноморья до Индии?) волшебная сказка появляется не ранее конца I тыс. до н.э. [Зайцев, 1984].

Евразию с Америкой, – помощь героя гигантской могучей птице, которая отвечает ему благодарностью. Типичный, хотя и не единственный вариант – герой убивает змея, регулярно пожиравшего птенцов птицы (В364.4).

Чаще всего встречается рассказ о том, как в ответ на спасение птенцов благодарная птица поднимает героя из нижнего мира в верхний, причем в большинстве текстов герой отрезает кусок собственного мяса, чтобы накормить птицу в полете. Но хотя записей много, ареал историй о полете на птице из нижнего мира вверх ограничен, и можно думать, что распространение этого мотива происходило достаточно поздно. Соответствующие тексты зафиксированы преимущественно на Кавказе, в Передней и Средней Азии, Иране и Поволжье у крымских и казанских татар, коми, мари, чувашей, калмыков, абхазов, карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей, лезгин, армян, пшавов, сванов, грузин, турок, азербайджанцев, курдов, арабов, персов, узбеков, туркмен. Еще несколько записей сделано у казахов, тувинцев, бурят, монголов и селькупов*. Данный вариант отражает определенную и вовсе не универсальную картину мира, предполагающую наличие не просто нижнего мира, а нескольких равноценных с землей обитаемых ярусов мироздания.

Другой вариант – герой помогает птенцам, а благодарная птица переносит его в удаленное место, куда он стремится, либо наделяет способностью лететь или быстро бежать. Передвижения с одного яруса мира на другой нет. Рассказов с этим вариантом меньше, но распространены они шире – не только на Кавказе, в Иране, Казахстане, Средней Азии и Западной Сибири (калмыки, ставропольские туркмены, кабардинцы, абазинцы, адыги, курды, персы, таджики, ваханцы, сарыкольцы, мунджанцы, туркмены, казахи, киргизы, манси), но и в Восточной Сибири (ингаридовские эвенки), Южной Азии (гонды, мари, сингалы и, вероятно, другие народы) и на азиатском северо-востоке (эскимосы). К этому варианту относится и шумерский миф о Лугальбанде и орле Анзуде. В корейской сказке герой помогает не птенцам, а самой птице, однако этот текст все же явно принадлежит к рассматриваемому комплексу, ибо в нем рассказывается, как в полете герой пытается кормить птицу собственным мясом, сунув ей в клюв свой палец [Шкуркин, 1941, с. 43–62]**.

* Резюме текстов и ссылки на источники см. на сайте <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (мотив K38).

** Остальные евразийские варианты не столь распространены. Мотив *Благодарная птица дает свое перо* (этот дар может сопровождаться и другой помощью) зафиксирован в русских былинах, у азербайджанцев, курдов, персов, белуджей, туркмен, каракалпаков, казахов, киргизов, алтайцев, челканцев, бурят. У дравидов байга, даргинцев и белуджей птица дает герою своего птенца, у калмыков, алтайцев, тувинцев – возвращает похищенных коней.

Американские тексты (ассинибойн, кроу, хидатса и арикара на Великих Равнинах и коги на севере Колумбии) образуют отдельную группу. В них, как и во втором евразийском варианте, птица переносит героя из нижнего мира не на землю, а в какое-то удаленное место. Эпизоды убийства героем змея и полета на птице расположены в обратной, нежели в евразийском варианте, последовательности: сперва птица несет героя, затем сама же просит избавить ее от врага. В евразийских текстах убийство змея неизменно предшествует полету на птице. Это свидетельствует в пользу того, что, во-первых, все американские тексты (включая территориально изолированный колумбийский) связаны между собой и, во-вторых, они отделились от евразийских вариантов раньше, чем те друг от друга.

* * *

Наиболее вероятное объяснение различий в глобальной картине распределения космологических и иных мотивов состоит в том, что первые, прочнее укоренившиеся в мифологиях, не столь легко заимствовались, замещались и обладали большей стабильностью. Следовательно, картина их географического распределения содержит информацию о культурной ситуации в относительно более раннюю эпоху. В группе А для евразийско-североамериканского комплекса мотивов (см. рис. 1) наибольшее взаимное сходство демонстрируют удаленные друг от друга внутриконтинентальные области, а не контактная зона в районе Берингова пролива. Меланезийско-амазонский комплекс мотивов фиксирует еще более далекие и, очевидно, древние связи (не менее 15 тыс. лет). Разумеется, речь идет не о контактах Амазонии с Новой Гвинеей, а о существовании предкового восточно-азиатского комплекса мотивов, реликты которого сохранились в удаленных рефугиумах.

Связи, фиксируемые мотивами группы Б, в среднем более поздние, чем фиксируемые мотивами группы А; разница между ними измеряется тысячами лет. Об этом свидетельствуют евразийско-североамериканские параллели, выявляемые второй главной компонентой (см. рис. 2). Почти полное отсутствие соответствующих мотивов в Южной Америке, за исключением немногих случаев на крайнем севере этого континента, не позволяет связывать распространение данного комплекса с начальным этапом заселения Нового Света. Вместе с тем редкость проявления этих мотивов на пространстве от Байкала до севера Великих Равнин исключает и недавнее распространение. Отнесение соответствующих процессов к раннему голоцену (8–10 тыс. л.н.) наиболее предпочтительно.

Есть также совсем небольшая и потому статистически плохо прослеживаемая группа общих для Северной Америки и Патагонии приключенческо-трикстерских мотивов – *Магическое бегство* (D672, D673), *Катящийся камень*, который преследует трикстера или героя (R261), *Инцестуозный родитель* (T411.1.1). Неслучайность совпадений подтверждается наличием в патагонских мифологиях высокоспецифичных мотивов группы А, связанных с мифом о споре зверей и птиц относительно продолжительности темного и холодного времени года (суток) при уподоблении числа таких единиц (месяцев или часов) числу пальцев, шерстинок, полосок на теле и т.п. Это один из характернейших североамериканских мифов [Берёзкин, 2003а, с. 256; Berezkin, 2002, p. 9]. Менее детальные, но несомненные параллели прослеживаются в алтайском и хакасском фольклоре [Анохин, 1997, с. 14–15; Трояков, 1995, с. 48–49].

Появление “североамериканских” мотивов на юге Южной Америки можно датировать либо финальным плейстоценом (распространение палеоиндейских индустрий с наконечниками типа фелл, явно восходящих к североамериканским прототипам [Берёзкин, 2003а, с. 229]), либо ранним голоценом, когда на территории от центральных районов Горного Перу до Патагонии распространялись листовидные и подтреугольные наконечники. Происхождение данных мотивов неизвестно, но развитие из палеоиндейских не выглядит вероятным. На юге Южной Америки область распространения “североамериканских” мотивов совпадает точнее с ареалом раннего голоценовой, а не финально-плейстоценовой культурной общности. Проникновение людей из Северной Америки на юг Южной позже 8 000 л.н. маловероятно, ибо вряд ли это осталось бы незамеченным лингвистами. Похоже, что 8–10 тыс. лет и есть тот предел, за которым былое сходство приключенческо-трикстерских эпизодов в случае дальнейшего независимого развития традиций становится маловероятным. Так, мотивов группы Б, которые связывали бы Австралию – Меланезию с Америкой, очень мало, а имеющиеся описывают аберрантное сексуальное и социальное поведение [Берёзкин, 1999] и, возможно, должны быть отнесены к числу этиологических. В целом же папуасские и особенно австралийские тексты американисту кажутся чужими и странными, поскольку в них нарушена та последовательность эпизодов, которая обычна для текстов как индейцев и эскимосов, так и народов Сибири.

Как уже отмечалось, в базу данных были включены сведения по древнегреческой мифологии. Оказалось, что статистические индексы, характеризующие наборы мотивов группы А в мифологии Древней Греции и в текстах, недавно записанных в Турции и Курдистане, примерно одинаковы (см. рис. 1). Это означает, что несмотря на кардинальные культурные изменения, про-

изошедшие в Малой Азии и Эгеиде за последние 2 тыс. лет, мифологическая картина мира во многом осталась прежней. Разумеется, речь идет лишь о положении данных комплексов в глобальной перспективе и лишь об одной из тенденций, проявляющейся именно при подобном глобальном подходе. Что же касается сдвига эгейско-передневносточных космологий к меланезийско-южноамериканскому полюсу, то его, возможно, следует истолковывать как сохранение нейтральных, относительно ранних признаков. В таком случае центральноевразийско-североамериканский комплекс мотивов можно рассматривать как относительно поздний и “прогрессивный”, а меланезийско-южноамериканский – как наиболее ранний и “архаический”.

Список литературы

- Анохин А.В.** Легенды и мифы седого Алтая. – Горно-Алтайск: Мин-во культуры Республики Алтай, 1997. – 40 с.
- Берёзкин Ю.Е.** Анатомия любви: архаические и “прогрессивные” мотивы в мифологиях циркумтихоокеанского региона // Астарта. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – Вып. 1: Культурологические исследования из истории Древнего мира и средних веков: проблемы женственности. – С. 159–190.
- Берёзкин Ю.Е.** О путях заселения Нового Света: некоторые результаты сравнительного изучения американских и сибирских мифологий // Археол. вести. – 2003а. – Вып. 10. – С. 228–285.
- Берёзкин Ю.Е.** Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003б. – № 2 (14). – С. 94–105.
- Берёзкин Ю.Е.** Трикстер как серия эпизодов // Тр. факультета этнологии. – СПб: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 98–165.
- Зайцев А.И.** К вопросу о происхождении волшебной сказки // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л.: Наука, 1984. – С. 69–77.
- Трояков П.А.** Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хакас. изд-во, 1995. – 183 с.
- Шкуркин П.В.** Корейские сказки. – Шанхай: Слово, 1941. – 253 с.
- Berezkin Y.E.** Some results of comparative study of American and Siberian mythologies: applications for the peopling of the New World // Acta Americana (Stokholm – Uppsala). – 2002. – Vol. 10, N 1. – P. 5–28.
- Hatt G.** The corn mother in America and in Indonesia // Anthropos. – 1951. – Vol. 46, N 5/6. – P. 853–914.
- Lukes S.** Émile Durkheim, his Life and Work; a historical and critical study. – L.: Penguin Press, 1973. – 676 p.
- Price B.J.** Cultural materialism: a theoretical review // American Antiquity. – 1982. – Vol. 47, N 4. – P. 709–741.
- Thompson S.** Motif-Index of Folk Literature. – Copenhagen; Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. – Vol. 1–4.

Материал поступил в редколлегия 17.06.04 г.

УДК 391

А.Ю. Майничева

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: ketcup@academ.org*

СЕМАНТИКА ПЕЩЕРНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ СИБИРИ*

Введение

Оживление в последнее время в России проектирования и возведения новых храмов, наряду с необходимостью реконструкции и реставрации уже существующих, сделало актуальным вопрос о традиционности в русском церковном зодчестве, что потребовало проведения исследований для глубокого осмысления семантических особенностей православных храмовых сооружений.

Значение пещерных православных храмов Сибири обусловлено парадоксальной двойственностью: с одной стороны, пещерные церкви как целостные сооружения – в настоящее время уникальное и практически утраченное явление, а с другой – в качестве части культовых зданий они не просто распространены, но в трансформированном виде присутствуют в любой церкви, поскольку канонизированный православием чин закладки предусматривает устройство в алтаре подобия пещерной церкви.

Современные сибирские пещерные церкви

Недалеко от г. Омска расположен Ачаирский Крестовый женский монастырь, разрушенный в 1930-х гг.,

а ныне возрожденный (рис. 1). Один из приделов Свято-Успенского собора является пещерным храмом и освящен во имя Живоносного Креста и Страстей Господних. В данном случае название “пещерный” имеет скорее условный характер и указывает на местоположение одного из алтарей под основным зданием в неотапливаемом помещении. Подобные храмы появились в Сибири в XVIII в., когда в нижних холодных этажах церквей стали размещать престолы. Ранее подклетное пространство обычно использовалось для хозяйственных целей или в качестве жилища. Внешне наличие приделов в пещерном храме находило отражение в количестве глав алтарной части. Например, в Спасской церкви с. Илимского, построенной в 1787 г. и разрушенной в 1930-х гг. (рис. 2, 3), алтарь имел две главы, поскольку на поземном уровне было два придела – Алексеевский и Рождественский [Калинина, 2000, с. 262].

Пещерные культовые комплексы начала XX в., которые состояли в недавнем прошлом из возведенной над святым источником храмовой постройки и обширной подземной части, удалось обнаружить Г.В. Любимовой на Алтае рядом с селами Среднекрасилово и Жуланиха [2001]. По своему внутреннему убранству, конфигурации ходов, галерей и лабиринтов, а также по расположению келий и технике создания куполообразных помещений они представляли собой подобие Киево-Печерской лавры. По сообщениям местных жителей, священники с почтением относились к “пещерам” и разрешали проводить службы в подземных храмах во время церковных праздников, т.е. считали их вполне правомочными. Рядом с алтарем церкви находился колодец со святой водой, которой пользовались для кропления паствы. Монастырский комплекс действовал недолго, его обитатели погибли в военных событиях 1920-х гг.

* Работа выполнена в рамках интеграционной программы РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», проекта «Русский этнос в Сибири: сохранение и трансформация культуры», проекта РГНФ № 04-01-00469а «Славяне в сибирском сообществе: бытование и развитие этнокультурных традиций. XVII–XXI вв.». Использованы материалы, собранные автором в ходе работы Западно-сибирского этнографического отряда (ЗСЭО) в 1990, 1997, 1998, 2000–2004 гг.